

который был бы в состоянии примирить противоречия модерна и наделить единством беспорядочный и фрагментарный мир» [7, с. 29]. Однако сверхсложность и парализующая непрозрачность современной ситуации ставит под сомнение способность теории подводить мозаичность социального мира под концептуальное единство. Сегодня, пожалуй, даже в большей степени, чем в беспокойную эпоху зарождения современных обществ, существует потребность в универсальных теориях, притом, что сама претензия на универсализм рассматривается современными исследователями как пережиток прошлого. Другими словами, теория, соответствующая требованиям своего времени, должна сочетать несочетаемое: «взгляд сверху» со здоровым номинализмом, стремление к всеохватности с иммунитетом против искушения натурализовать глобализацию, то есть представлять ее как объективную, независимую от интересов конкретных групп, историческую тенденцию. При всей сложности и даже невыполнимости этой задачи не решать ее, по всей видимости, нельзя, так как если очертания мира размыты, столь же размытой остается возможность рационального вмешательства в происходящее.

Литература

1. Малахов В. С. Глобальные компиляции / В. Малахов // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2004. – № 3. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=892&numid=18> – Дата доступа: 02.05.2009.
2. Бауман, З. Национальное государство – что дальше (фрагмент) / З. Бауман // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – 2002. – № 6. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=326&numid=7> – Дата доступа: 25.09.2008.
3. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства / М. ван Кревельд; пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова, А. Макеева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
4. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит; пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и [др.] – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
5. Эко У. Осмысляя войну / У. Эко // Пять эссе на темы этики / пер. с итал. Е. Костюкович. – СПб.: «Симпозиум», 1998. – 94 с.
6. Тамир, Ю. Класс и нация / Ю. Тамир // Логос. – 2006 – № 2. – С. 40-56.
7. Delanty G. The Foundations of Social Theory: Origins and Foundations / G. Delanty // The Blackwell Companion to Social Theory / Ed. by B. S. Turner– Ox.: Blackwell Publishers, 2000. – P. 24-41.

СОВРЕМЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Б.В. Петелин

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

Человек живет во времени. Все его дела, поступки, свершения имеют конкретное временное положение. Сам подход к истории – это выделение определенных временных периодов: «древний мир», «средние века», «новое время», «новейший период». При этом последующий период предстает менее продолжительным, чем предыдущий. Ускорение времени – быстрота протекания социальных процессов, не дань модным концепциям, а реальность. Как пишет известный российский историк К.Гаджиев: «...по сути дела до начала XX столетия...социальное и историческое

время как бы пребывало в некоем застывшем, летаргическом состоянии», но далее, с развертыванием технологической и промышленной революции, индустриализации и урбанизации, а затем и научно-технической революции второй половины XX «началось его беспрецедентное убыстриение» [1, с. 6-7].

Наибольшие трудности в изучении отечественной и всеобщей истории вызывает ее новейший – современный период [2, с. 201-211]. Проблема осложняется и тем, что осмысление «современности» весьма различно в сфере гуманитарного знания. Философы, социологи, культурологи делают акцент на том, что значимо для их науки и учебной дисциплины. Философское осмысление «современности» может предстать самым «глубоким», ибо философия всегда рассматривала мир под знаком вечности, и «современность», таким образом, не может быть отнесена к какой-либо конкретной эпохе. Бытие человека всегда современно. Но для историка прошлое есть прошлое, а античность была современностью только для тех, кто жил в ее эпоху, которая давно завершилась.

В истории современность еще ждет своего завершения. Ее горизонт открыт, но время осязаемо и поддается прочтению. Освальд Шпенглер писал о необходимости в «общей картине мировой истории рассматривать также и современность (выделено нами – Б.П.) – которая является таковой только для одного из бесконечного множества человеческих поколений...». По Шпенглеру – нужна «дистанция» между исследователем и историческим временем. В современности этого нет, или почти нет. Но и в этом случае следует освободить историю от личных предрассудков наблюдателя и избежать того, чтобы «подчинять ее моментальным общественным идеалам и интересам» [3, с. 156-157].

Проблемы познания современности кроются не только в ее неоднозначности и ускорении социальной истории, но и в отходе от самой истории. Замещение ее рядом других дисциплин, внеисторическая интерпретация используемых терминов и понятий, преимущественно политологических, нередко приводит к искажению реальных событий. При таком подходе, когда, например, российскую современность «укладывают» в заимствованные схемы и конструкции, исторические факты утрачивает свою значимость. Подчеркнем, что историческая наука не сводится только к исследованию конкретно-частных, индивидуально-кратных фактов и событий. Историк тот, кто за фактами видит глубинные смыслы и облекает их в связанное знание [4, с. 23].

В 1990-е гг., после введения политологии в качестве научной специальности и учебной дисциплины, политическая мысль в России преимущественно является отражением западных концепций, идет ли речь о «тоталитаризме», «цивилизации», «гражданском обществе», «правовом государстве», «модернизации» и т. д. Наиболее цитируемыми стали американские политологи и социологи З.Бжезинский, С.Хантингтон, Ф.Фукуяма, И.Валллерстайн и другие. Разумеется, сами по себе эти авторы, как и их идеи, заслуживают внимания и изучения, но для России кроме «вестернизации» они ничего не предложили, и предложить не могли.

Не потому ли возник вакуум в российской истории? Советский период практически полностью исключен из обращения. Разве что только тема Великой Отечественной войны еще присутствует в кино и литературе, но без конкретного объясне-

ния причин и источников Победы. Дискредитация началась еще во время перестройки. Вместо того, чтобы объективно проанализировать действительно нелегкий и противоречивый период, когда при всех его издержках, СССР был второй державой мира, его стали рассматривать исключительно через призму «тоталитаризма». Российских политологов не смущает то, что в исторической науке, как отечественной, так и зарубежной преобладает критическое отношение к концепции «тоталитаризма», используемой Западом в годы холодной войны как идеологическое средство в борьбе против СССР и стран восточного блока. Именно политологами была подхвачена эта «концепция» для утверждения тождественности между итальянским фашизмом, германским национал-социализмом и сталинизмом. Как точно подметил историк В.П. Любин: «Чем меньше знаешь о сущности этих режимом, тем легче проводить поверхностные параллели. Когда знания углубляются, начинаешь видеть и многие отличительные признаки» [5, с. 6].

Да, многие события в современной истории могут быть объяснены стремлением человека к свободе и демократии. Крах реального социализма в странах Восточной Европы действительно произошел в ходе «демократических революций». У них появились и другие названия: «бархатные», «переговорные», «цветные». Насколько серьезно следует воспринимать подобные дефиниции? То, что это были революции, – сомнений нет: произошла перемена строя. Коммунистические режимы и соответствующая им экономическая система были демонтированы [6, с. 16-17]. Но если до недавнего времени к революционерам традиционно относили левых, то в 80-е гг. XX в. в ряду «революционеров» оказались Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган. Для историков оказался приемлемым термин «неоконсервативная революция» [7, с. 189-192].

Одно из существенных отличий современной истории от предыдущих эпох в многослойности самих событий. Выявить причинно-следственные связи, роль и значимость внутренних и внешних факторов затруднительно, а в некоторых случаях просто невозможно. Приведем лишь один пример: события 11 сентября 2001 в США. Официальная версия известна – террористический акт. Политологи, призванные «обслуживать» власть, постарались, чтобы появилась новая вселенская угроза человечеству – «международный терроризм». Но есть и иные версии, причем весьма убедительные [8], однако погибших в Афганистане и Ираке уже не вернешь. Почему из политики исчезло определение «государственный терроризм»? Почему остались без правовых последствий для стран НАТО варварские бомбардировки Белграда в 1999 г.? Доказательств того, что это был «акт агрессии», собрано достаточно, но Совет Безопасности уклонился от принятия необходимого решения [9, с. 684]. Не потому ли, что уроки прошлого сознательно предаются забвению?

Политологические подходы упрощают исторический контекст. Например, политологи, как и историки, осознают современное положение России как «кризисное». Но если историки призывают не пренебрегать традициями, опираться на опыт прошлого, то политологи говорят о необходимости «духовного обновления», своего рода «революции сознания» [10, с. 373].

За два последних десятилетия общественное сознание претерпело радикальные перемены и требуется не новая «революционность» (это мы уже «проходи-

ли»), которая вряд ли выведет нас из кризиса, а проведение разумной, взвешенной политики. Нужен внятный диалог власти и народа. На каком «языке» происходит сегодня общение? По мнению Владислава Суркова, самыми популярными «футурологическими брендами» последних лет стали: «постиндустриальное общество», «конец истории», «плоский мир», «цивилизация третьей волны» и т. п., но главное – среди них нет ни одного российского происхождения. Что цитирует правящая элита: П. Столыпина, В. Леонтьева, П. Милюкова, в основном тех, кто был свидетелем и участником распада Российской империи. Выбор говорит сам за себя. В посланиях Президента за весь период 2000-2008 г. цитировался только один прижизненный авторитет – Александр Солженицын [11, с. 39-40]. Да, личность известная, авторитетная, его наследие будет востребовано не только писателями, но разве он не имел отношения к разрушению СССР? Советский Союз был не только социалистическим государством, но и воплощением исторической России, на что не раз указывал сам Александр Исаевич.

Попытки привить заимствованные политические структуры вряд ли можно назвать удачными. Внедрение парламентской демократии шло без всякого учета российских особенностей. «Партийное строительство» по известному Манифесту от 17 октября 1905 г. показало, что российские граждане в большинстве своем не стремятся в политические партии. Вообще «народовластие» не может быть реализовано через многопартийность. Еще римский историк Тит Ливий написал: «Борьба между партиями есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев Бога» [12].

В России, когда на всех уровнях состоялся переход к выборам по партийным спискам, мы наблюдаем фетишизацию партийной власти. Надеяться, что за этим последует консолидация народа, – явное заблуждение. Дело не только в том, что российское общество расколото, не структурировано, апатично, но и в том, что публичной политики в России практически нет, есть только ее имитация. Вот и приходится на занятиях по политологии обращаться за примерами к западным демократиям, где политика и государственные интересы чаще всего неразделимы, и, где за провалы и неудачи, за злоупотреблением властью и коррупцию несут ответственность конкретные лица. У нас, как отмечает В. Мартынов, «нынешняя властвующая элита не только не продемонстрировала массовому российскому обществу нравственных образцов, но даже и не предприняла попыток их предъявить. Наоборот, на высшем политическом уровне общество видит лишь обывательские и эгоистические модели мышления и поведения» [11, с. 32].

В современности есть еще одна проблема, изучение которой требует совместных усилий специалистов социально-политических, исторических, экономических наук, – это глобализация. Насколько этот процесс историчен, или он только данность современного политического развития? Среди историков нет единства в определении временных рамок данного явления. Некоторые относят его к началу Великих географических открытий, конкретно к открытию Колумбом Америки. Тем самым глобализация предстает неким общеисторическим процессом, а не явлением современности. По своей сути, глобализация есть передел имеющихся на сегодня пространств: естественных, природных, и искусственных, созданных человеком. Поэтому глобализация не могла начаться без создания информационного пространства, где она проявляется в наибольшей степени.

Известный российский историк А.И.Уткин представляет глобализацию как слияние национальных экономик в единую общемировую систему. С подобной точкой зрения согласны практически все отечественные и зарубежные авторы [13, с. 1-8]. Принципиальное расхождение состоит в том, отвечает ли глобализация интересам всего человечества, или она есть стремление лидеров мировой экономики сохранить и упрочить свое положение. Пока глобализация направлена не на выравнивание уровней развития между государствами. Эксперты считают, что глобализация уже привела к перераспределению природных ресурсов для нужд ведущих стран. В этом же направлении идет перекачка финансовых средств, интеллектуальных и прочих ресурсов из отставших стран. Не случайно глобализацию отождествляют с установлением «нового мирового порядка», о котором стали говорить после распада СССР и краха реального социализма.

Политологам привычно рассуждать о достижениях глобализации, о том, как она меняет мир к лучшему, как постепенно, но все-таки решаются глобальные проблемы. Позитивные результаты, конечно, есть. Человек располагает сегодня куда большими возможностями, чем пять или десять лет назад. Но не следует преувеличивать эти достижения. Во-первых, глобализация охватила пока не более 30 % стран мира. Во-вторых, «догоняющие» государства так и остались на своих позициях. Разрыв между мировыми лидерами и аутсайдерами только растет [14, с. 11]. Даже бывшие социалистические страны, став членами Европейского Союза, остались «периферией Европы». Иными словами, современный мир оказывается куда более противоречивым и нестабильным, чем ранее, когда существовала биполярная система.

Полагаем, что в изучении современности необходим прорыв в методологии. Это не означает, что следует отказаться от прежних методик. Мировой кризис сделал вновь актуальным обращение к марксизму [15, с. 3-16]. Современный мир – это мир капитализма, несмотря на все его отличия от капитализма XIX века – времени Маркса. В советской историографии «новая эра» начиналась с 1917 г., то есть с революционного выхода из капиталистической системы. При всей идеологизации данного утверждения, что, несомненно, присутствовало в нем изначально, стоит ли соглашаться с тем, что эта «эра» завершилась? А как быть с «левым поворотом» в Латинской Америке? И разве начавшийся кризис не является системным?

Если прошлое изменить нельзя, даже переписав его, то современность не «конец истории», она создается на наших глазах. И в ней всегда есть возможность выбора. Проблема лишь в том, кто и как будет определять этот выбор. У России еще есть возможности, чтобы не оказаться окончательно вне глобального процесса, направленность и содержание которого даже в условиях многополярного мира будет определяться главными лидерами.

Литература

1. Гаджиев К.С. Этюды о тоске человека по вечности // Вопросы философии. – 2009. – № 3.

2. Петелин Б.В. Современная история и политика: границы допустимого и пределы возможного? // Историческая наука в контексте социогуманитарного знания: традиции и современные подходы: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (1- 2 марта 2007 г.): в 2 ч. – Череповец, 2007. –Ч. 1.

3. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск, 1993.
4. См.: Садыков М.Б. Философия истории: современные подходы // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Материалы международной научной конференции. – Казань, 2007.
5. Любин В.П. Преодоление прошлого: споры о тоталитаризме. – М., 2005.
6. История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. – М., 2007.
7. См.: Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. – М., 1996; Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М. 2008; Петелин Б.В. Консерваторы без консерватизма: какой поворот произошел в странах Запада в последней трети XX века // История идей и история общества. Материалы VI Всероссийской научной конференции. – Нижневартовск, 2007. – С. 189-192.
8. См., напр.: Кьеца Д. Зеро. – М., 2008.
9. Известный специалист по Балканам, д. и. н. Е.Гуськова пишет, что резолюция Совета Безопасности от 10 июня 1999 г., осудив лишь Союзную Республику Югославию, легализовала действия НАТО, стала «показателем деградации некогда сильной международной организации – ООН». Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990-2000). – М., 2001.
10. Кретов Б.И. Политология. М. 2007.
11. Мартъянов В.С. Продолжаем продолжать... // Свободная мысль. – 2009. – № 2. – С. 39-40.
12. Цит. по: Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию // Комсомольская правда, 18 сентября 1990. Приложение.
13. Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубровский С.В. Информационное клонирование в процессах глобализации // Общественные науки и современность. – 2005. – № 6.
14. Афанасьев М.В., Мясникова Л.А. Время глобализации//Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 10.
15. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Мировой экономический кризис: природа и альтернативы будущего (марксистский анализ): Мировые кризисы XXI века: причины, природа, альтернативы преодоления (Россия в глобальном контексте). Материалы конференции 28-29 апреля 2009 г. – М., 2009. – С. 3-16.

GERECHTIGKEIT – GERECHTIGKEITSPSYCHOLOGIE – SOZIALE ARBEIT: NEUE PERSPEKTIVEN?

Alfred Plewa

Hochschule Ravensburg-Weingarten, Deutschland

1. JOHN RAWLS und sein Werk „Eine Theorie der Gerechtigkeit“.

1.1 Würdigung und Ruhm.

In Bezug auf Politik und praktische Philosophie hatte JOHN RAWLS` 1971 erschienenes Hauptwerk „Eine Theorie der Gerechtigkeit“ („A Theory of Justice“) sowohl eine enorme Breiten- als auch Tiefenwirkung. WOLFGANG KERSTING meint: „Wohl kein philosophisches Werk hat in diesem Jahrhundert (dem 20. Jahrhundert; A. P.) so schnell so große Aufmerksamkeit erregt und eine so intensive und weitgespannte